

Взгляд Лун Юаня остановился на мече, и он, помедлив, сказал:

— Цинсюэ.

— А? — Лу Нинчу удивился, глядя на слабые следы кровавой ша на мече. — Разве не больше подошло бы название «Футу»?

— Цинсюэ.

— Ты подарил мне меч, разве название «Футу» не было бы более значимым?

Лун Юань слегка опустил глаза, но его тон был непоколебим.

— Просто Цинсюэ.

— Ладно. — Видя, что Лун Юань непреклонен, Лу Нинчу не стал спорить, но с любопытством спросил:

— Почему этот меч называется Цинсюэ?

Лун Юань лишь сказал:

— Так и должно быть.

Лу Нинчу немного озадачился:

— Это меч изначально назывался Цинсюэ?

Лун Юань кивнул:

— Да.

Лу Нинчу снова посмотрел на лезвие. Неизвестно, как был выкован этот меч, но его лезвие было белым, как снег. Если не учитывать кровавую ша и личные предпочтения, название «Цинсюэ» действительно подходило. Он внезапно резко провёл мечом по своему пальцу. Рана была слишком глубокой, и кровь сразу же хлынула, даже капли упали на пол.

Лун Юань, увидев кровь, тут же строго сказал:

— Что ты делаешь!

Лу Нинчу невинно посмотрел на него, продолжая наносить кровь на лезвие:

— Разве не нужно признать хозяина?

— Но не нужно наносить себе такие раны. — Лун Юань был не согласен.

Кровь впиталась в лезвие Цинсюэ, и Лу Нинчу, улыбаясь, поднял руку, не обращая на это внимания:

— Всё в порядке, смотри, уже зажило.

Хотя следы крови всё ещё оставались, глубокая рана, доходившая до кости, уже зажила. Такая скорость восстановления была слишком быстрой, даже для Лу Нинчу, который уже достиг Золотого ядра.

Лун Юань взял руку Лу Нинчу, вытирая кровь, и спросил:

— Когда ты был в моей резиденции, ты был только на этапе закладки основания, почему твои раны тогда тоже быстро заживали?

Лу Нинчу не хотел говорить правду, поэтому Лун Юань мог только осторожно выяснять, насколько искренен этот маленький обманщик.

Лу Нинчу не заметил, что это была проверка, или просто не придавал этому значения, и спокойно ответил:

— У меня от природы сильная способность к восстановлению.

— От природы? — Это было сравнимо с кланом драконов.

— Да. — Лу Нинчу, видимо, решил, что Лун Юань не верит, и внезапно отдернул руку, снова нанеся себе глубокий порез.

— !

Лун Юань был поражён, но прежде чем он успел что-то сказать, Лу Нинчу показал ему кровоточащую рану, даже с некоторой гордостью:

— Смотри, скоро заживёт!

Рана от быстрого удара мечом, хотя и не была настолько ужасной, чтобы плоть вывернулась наружу, всё же была видна внутренняя красная мякоть, что вызывало некоторое омерзение.

Рана действительно быстро зажила, и даже шрама не осталось. Однако, видя, как Лу Нинчу совершенно не беспокоится и даже сияет радостью, Лун Юань не смог сдержать гнева:

— Лу Нинчу!

Этот тон был слишком строгим, и Лу Нинчу испугался, его улыбка мгновенно исчезла, и на лице появилось испуганное и обиженное выражение.

— Зачем ты на меня злишься...

Лун Юань мрачно посмотрел на него, сдерживая эмоции, и спросил:

— Почему ты так не бережёшь себя?

Ранее он уже начал замечать это, а недавние события с проглоченной чешуёй дракона, вызов Небесной скорби и теперь самоповреждение мечом с последующей радостной улыбкой действительно подтверждали, что Лу Нинчу склонен к самоповреждению.

Лу Нинчу всё ещё был обижен:

— Всё равно быстро заживёт, какая разница...

— Дай руку.

Лу Нинчу посмотрел на выражение лица Лун Юаня и немного испугался.

В прошлой жизни Лун Юань бегал за ним, и он редко злился на него.

Однако в конце концов он всё же положил руку в ладонь Лун Юаня.

Лун Юань взял его руку, вытирая кровь, и вдруг спросил:

— Больно?

Если сказать, что больно, то, наверное, снова нарвёшься на ругань, поэтому Лу Нинчу, конечно, ответил:

— Не больно.

Но Лун Юань снова спросил:

— Больно?

Лу Нинчу слегка заколебался:

— ...Не больно.

Лун Юань остановился и, подняв глаза, пристально посмотрел на него:

— Больно?

Лу Нинчу в прошлой жизни уже привык к боли, а после перерождения он чувствовал себя так, будто находится во сне, радуясь тому, что всё можно начать заново, но одновременно боясь, что всё это иллюзия. Поэтому он часто использовал боль, чтобы убедиться в реальности, и даже начал получать от неё удовольствие.

Его тревога, вызванная поиском реальности через боль, начала утихать только после встречи с Лун Юанем.

Однако сейчас взгляд Лун Юаня был настолько строгим и холодным, что Лу Нинчу снова вспомнил о том, какие эмоции должна вызывать боль.

— Больно... — наконец признался он тихо.

Только тогда Лун Юань отвел взгляд и продолжил вытирать кровь:

— Если знаешь, что больно, значит, нужно беречь себя.

Услышав это, обида Лу Нинчу сразу же уменьшилась, и он осторожно ткнул Лун Юаня, его глаза сияя:

— Ты переживаешь за меня?

Лун Юань молча посмотрел на него.

Лу Нинчу придвинул стул ближе и, улыбаясь, сказал:

— Переживаешь, но так злишься, Владыка Демонов, какой же ты упрямый!

Лун Юань: ...

— Ладно, ладно, я больше так не буду, не злись на меня.

Лун Юань хотел отпустить его, но Лу Нинчу схватил его руку.

— Рука болит, нужно, чтобы Владыка Демонов поцеловал, чтобы прошло.

Маленький обманщик воспользовался ситуацией, но его нельзя было оттолкнуть.

Лун Юань чувствовал себя беспомощным, но всё же уступил.

*

На следующий день Лу Нинчу вместе с остальными поднялся на летающий корабль, чтобы вернуться в Высший Небесный Дворец. Лун Юань превратился в маленького дракона и обвился вокруг запястья Лу Нинчу, сопровождая его.

Однако, когда они приблизились к границе Высшего Небесного Дворца, Лун Юань был вынужден уйти.

Высший Небесный Дворец, будучи оплотом праведного пути, конечно, имел множество культиваторов на этапе преобразования духа, и Лун Юань рисковал быть обнаруженным. Это не значит, что Лун Юань боялся культиваторов Высшего Небесного Дворца, но он прежде всего хотел защитить Лу Нинчу.

Лу Нинчу уже чуть не получил клеймо «падшего в путь демонов», и если бы его связь с Владыкой Демонов была раскрыта, это стало бы неопровержимым доказательством.

Лу Нинчу достал все свои духовные бумажные журавлики, разделил их пополам с Лун Юанем и только сожалел, что не спрятал больше.

Использование духовных бумажных журавликов заключается в том, что они работают парами. Например, Лу Нинчу берёт пару журавликов, один наполняет своей духовной энергией и отдаёт Лун Юаню, а другой оставляет себе. Когда они разлучены, он говорит в свой журавлик, и журавлик Лун Юаня передаёт его слова.

Хотя этот метод и неудобен, но по сравнению с обычными методами передачи сообщений, которые легко обнаружить по колебаниям духовной энергии, использование духовных бумажных журавликов гарантирует скрытность.

Лун Юань и Лу Нинчу вместе наполняли журавликов духовной энергией, и Лун Юань почувствовал неладное.

Этот маленький обманщик ушёл без объяснений, не оставив даже журавлика, но, встретив его, был таким же пылким и даже не чувствовал вины. Это была попытка обмануть или всё же здесь было какое-то недоразумение?

Вспомнив, что, когда он вернулся в Обитель Дракона, Гу Минли уже была внутри, он спросил:

— Когда уходил, почему не оставил мне журавлика?

— А? — Лу Нинчу постучал себя по голове, сожалея. — Я тогда торопился и забыл, а потом увидел чернила и решил оставить письмо.

— Письмо?

Лу Нинчу, услышав вопрос Лун Юаня, тоже удивился:

— Да, ты не видел?

Лун Юань сжал губы, не желая говорить. Маленький обманщик не ладил с Гу Минли, и если бы он узнал, что она была в Обители Дракона, он бы точно разозлился.

Но Лу Нинчу уже почувствовал, что что-то не так, и перестал возиться с журавликами:

— Ты не видел моего письма, значит, ты искал меня не потому, что скучал, а чтобы поймать?

Он широко раскрыл глаза:

— Ты кого пустил в Обитель Дракона!

Лун Юань: ...

Конечно, он разозлился.

Но теперь объяснять было необходимо.

— Гу Минли. — Не дав Лу Нинчу отреагировать, он быстро добавил:

— Она с помощью какого-то артефакта, который где-то достала, тайно прорвалась через защитный барьер и вошла в Обитель Дракона, я ей не разрешал. Когда я обнаружил её, я запер её и допрашивал, а Гу Чунмин забрал её и посадил под домашний арест на три года.

Хотя он и выяснил историю с афродизиаксом, но это явно нельзя было рассказывать рассерженному Лу Нинчу.

— А ты тогда куда делся, почему не дождался, пока я проснусь! — Лу Нинчу всё ещё был в ярости.

Лун Юань отвел взгляд, помолчал и сказал:

— Пошёл на кухню.

— Ты обвиняешь меня. — Лу Нинчу посмотрел на него.

Лун Юань, видя, что тот не понимает его намёка, не стал продолжать объяснять. Некоторые вещи, когда связаны с чувствами, становятся труднее произнести, чем сделать.

— Ладно, я извиняюсь перед тобой. — Лу Нинчу всё ещё был зол, и Лун Юань, немного поколебавшись, наклонился и поцеловал его.

— Будь послушным.

— Хм. — Лу Нинчу лизнул губы и с трудом простил его.

Когда Лун Юань был вынужден уйти, Лу Нинчу снова стал цепляться, обняв Лун Юаня за талию и жалостливо спросив:

— Когда я в следующий раз покину Высший Небесный Дворец, ты снова придёшь за мной?

— Приду.

— Тогда ещё поцелуй?

Лун Юань уступил ему.

<http://bllate.org/book/15302/1350269>